

«Непрерывное» головотяпство в Берендееве

На Берендеевских торфоразработках за сезон следовало добыть 61 390 тонн элеваторного торфа. На 20 июня добыто только 20 процентов этого количества, хотя прошла уже половина сезона. Надеяться на то, что этот прорыв будет перекрыт, трудно.

Для выполнения плана требовалось 830 рабочих. В начале сезона к работе приступили 24 артели — 762 человека. При первой же получке ушли 20 артелей и на разработках осталось только 117 человек. Вербовать новых рабочих было негде и разработки замерли. Стоят машины, пустуют бараки, чешет в затылке администрация и старается объяснить уход рабочих «объективными причинами».

В Ивгосторфе объясняют причину ухода тем, что рабочие недовольны питанием и зарплатой. Дирекция торфоразработок вместе с торфкомом считают, что дело не в плохом питании. По их мнению, рабочие ушли потому, что, имея свободную квалификацию, они не выработывали нормы, и, получая сдельно, мало зарабатывали.

Совсем по-другому оценивают уход своих товарищей оставшиеся рабочие. Они считают, что ошибка была допущена ещё при вербовке. Бывший директор Ильин прохлопал время вербовки и в результате — Берендеевские болота не имели определённого района. Рабочие, пришедшие на болото, были ранее завербованы на другие работы, частично на Украину. Некоторые из них даже имели авансы от других организаций. Вербовщики пустились во все тяжкие, только бы навербовать. Поили водкой старост, поили рабочих, обещали «золотые горы». Такой порядок вербовки, безусловно, частично объясняет массовый уход рабочих.

Своеобразный режим экономии

Из нанятых 762 человек половина никогда не видала машин и торфа. Приступили к работе в сильные холода, торф ещё не оттаял, был «мерзляк». Норма не выполнялась и началась массовая утечка рабочих. Что же сделали для набора новых и удержания старых рабочих дирекция и Ивгосторф? — Вот несколько документов. Письмо союза торфяников и Союзторфа предлагало:

«Тем артелям, у которых заработок к первой получке будет ниже их тарифной ставки по уважительным причинам, оплату произвести по колдоговору, из расчёта тарифной ставки».

Об этом письме торфяникам не сказали и оплачивали по 2 руб. 8 коп., вместо 3 руб. 12 к., хотя «мерзляк» — причина вполне уважительная. Только тогда, когда положение сделалось угрожающим, дирекция решила платить по тарифной ставке, но Ивгосторф и здесь решил срежировать:

«Выплату тарифной ставки производить только тем артелям, выработка которых действительно низка. Тем же артелям, которые намерены уходить, — не оплачивать».

Узнав об этой директиве, рабочие, сагитированные кулаками и лишенцами, попавшими на разработки в вакханалию вербовки, бросили работу. Все эти факты с достаточной убедительностью говорят, что в уходе рабочих виноваты не «объективные причины», а головотяпы из Ивгосторфа и дирекции.

Но не только в уходе рабочих кроются причины срыва. Разработки к приёму рабочих не были готовы. Плохо была поставлена медицинская помощь. До сих пор рабочие с «Волчьей Горы» с порезанным пальцем бегают за три версты в Берендеево на перевязку. На «Волчьей Горе»

---

*Шуб., Арк. «Непрерывное» головотяпство в Берендееве / Арк. Шуб. // *Рабочий край*. — 1930. — 25 июня (№ 143/3626). — С. 3.

нет бани. Всё это нервировало рабочих. В казармах по вечерам ходили слухи о сокращении пайка, об увеличении нормы и так далее.

Где же были торфком и дирекция? Рабочие говорят, что за весь сезон они в казармах не видали ни представителя торфкома, ни дирекции. Правда, дирекция принимала меры к борьбе с нездоровыми слухами: ею было вывешено объявление: «Считать эти слухи провокационными». О том, что 80 процентов торфяников неграмотны, — забыли.

Им некогда, они перестраиваются

В то время, как дирекция принимала меры, способствующие уходу рабочих, торфком и ячейка «перестраивали» свою работу, не заглядывая в казармы, не давая отпора чуждым элементам, молчаливо наблюдали развал. Даже и сейчас, когда на разработках осталась сотня с небольшим рабочих, торфком и ячейка не знают социального состава работающих.

— Это дело не наше, — говорит торфком. Мы организовали соревнование. У нас 100 процентов рабочих соревнуется. Правда, нет показателей, но это не беда.

Отчёты торфкома пестрят цифрами о количестве бесед и лекций, а рабочие говорят, что торфкома в глаза не видывали. На культработу истрачено около 1 000 рублей, а по вечерам в казармах — пьянка, песни, драки, поножовщина.

Дирекция писала объявления, торфком подшивал директивы областного отдела горняков. Директивы сыпались на болото, как дождь в ненастный осенний день, но не было живых людей. Правда, на болото приезжало до 10 бригад и комиссий, обследовали и уезжали, не оставив никаких следов. Ни одна из бригад не побывала в рабочей казарме.

Характерен ещё один факт. Ивгосторф считает, что рабочие не хотят перейти на непрерывку. Рабочие же говорят:

— Мы не против непрерывки. Мы против бестолковой расстановки рабочих.

Оказалось, что при введении непрерывки, в один день отдыхали все лучшие работники, работали слабые, и наоборот. Против подобного «непрерывного головоотяпства» и возражали рабочие. Торфком об этом даже не знал.

Могли ли рабочие, пришедшие на болото со слабой квалификацией, выполнить план? — Факты говорят утвердительно. Четыре оставшиеся артели не только выполняют, но и перевыполняют нормы, несмотря на то, что в них больше половины новичков. Артель Митрофанова, например, из 27 человек, при норме в тысячу кирпичей на одного человека, вырабатывает 40 и более тысяч. Молодёжь, в первые дни работы отстающая от стариков, подтянулась и сейчас зарабатывает от 4 руб. 50 коп. до 5 руб. Если бы были приняты своевременно меры к удержанию рабочих, сейчас на болоте норма была бы выполнена.

Арк. Шуб.